

Сказочное фэнтези

Анна Никольская

НЕОБЫЧАЙНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ПАТРИКА

ПОВЕСТЬ

*«Столь маленькие и беспомощные крылья служат
лишь для того, чтобы доказать: это птица»
Томас Герберт, «Повесть о многолетнем путешествии
в Африку и Большую Азию, начатом в 1626 году»*

МАВРИКИЙСКАЯ МАНИШКА

В то ясное, погожее утро Патрик Фицджеральд Додо сидел на борту шхуны «Моцарелла» (в своем любимом плюшевом кресле) и по давно заведенному обычаю удил водоросли. Вчера кончился шторм, бушевавший в океане добрых шестнадцать суток. В ознаменование этого события Патрик Фицджеральд прополоскал горло морской водой с щепотью сушеных рапанов и надел парадную манишку. Заметим, что манишка хранилась в кованом сундуке — том самом, что стоял в кубрике,

рядом с пыльными доспехами — и не открывался что-то около десяти лет. Манишка была побита молью, однако по-прежнему красива и зелена, как флора острова Маврикий.

Водорослей сегодня было немного.

«На супчик хватит», — подумал Патрик Фицджеральд и улыбнулся краешком рта.

За долгие годы вынужденного уединения он привык довольствоваться малым. Он был неприхотлив и немногословен даже в мыслях, а как звучит собственный голос, давно забыл.

Солнце стояло в небе ровнехонько над головой Додо, что было чертовски приятно. Патрику Фицджеральду казалось, что солнце светит специально для него — Патрика Фицджеральда. Он даже решил было снять манишку (та была связана из чьей-то шерсти и сильно щекотала зоб), помахать ей светилу и перекинуться с ним парой дружеских фраз. Но потом резко передумал.

Потому что на горизонте Патрик Фицджеральд Додо увидел неопознанный плывущий объект.

ВАРЕНЬЙ РАПАН

«Гм», — подумал Патрик.

Он встал с кресла, закрепив удочку между палубными досками, и спустился в кубрик. В него вела маленькая винтовая лестница из сосны, до блеска отполированная ветром и Патриком собственноручно. Надо сказать, что все на шхуне у Патрика было отдраено, выскоблено, вышкурено и покрыто пчелиным воском. Бархатные шторы на иллюминаторах — и те были раз и навсегда отутюжены, накрахмалены и не колыхались даже в десятибалльный шторм. И не потому, что Патрик денно и нощно ждал прибытия гостей, желая произвести на них хорошее впечатление. А совсем по другой причине. Просто во всем этом — в сияющих балясинах, воцеленных полах и благоухающих свежестью простынях — и заключался Патрик Фицджеральд. Можно сказать, выглаженные с обеих сторон портьеры были его второй натурой. То есть привычкой, заведенной за долгие годы морских скитаний.

— Аккуратность, планирование и пунктуальность, — любил повторять сам себе

Патрик, колдуя над завтраком, — лучшие наши добродетели.

Чьи это — «наши», он никогда не уточнял. Неудивительно, что меню завтрака на «Моцарелле» планировалось заранее (а именно за две с половиной недели). Завтрак подавался на чистом китайском фарфоре без единой трещинки, ровнехонько в 7 часов 35 минут 00 секунд.

Как видите, Патрик Фицджеральд был чрезвычайно педантичной персоной. То есть скрупулезной или щепетильной — это как вам больше нравится. Поэтому, когда он открыл сундук (второй раз за это утро и целых десять лет!), достал из него бинокль, поднялся на капитанский мостик, подкрутил окуляры и увидел, что именно плывет в его направлении, Патрик пришел в сильное волнение.

Неожиданности.

Вот что Патрик Фицджеральд не любил больше всего. И еще сюрпризы.

Появление на горизонте шлюпки с... с... В общем, с кем-то там на борту было волнительно вдвойне. Это был неожидан-

ный сюрприз! Патрик поморщился от досады.

Он захотел развернуть «Моцареллу» на сто восемьдесят градусов, поднять все паруса и, пока еще не поздно, смыться. Но что-то его остановило. Любопытство? Быть может. Привычка все планировать загодя, включая избранный раз и навсегда курс? Вероятно. Или же это было сострадание? Согласитесь, тому, кто лежал сейчас на дне шлюпки, посреди океана, было тяжело. Возможно, бедняга при смерти! Его мучает жажда, голод и солнце, которое как раз сегодня раскалилось добела.

Одним рывком Патрик сдернул с себя манишку и бросился на нижнюю палубу. Там у него была складная веревочная лесенка, ее-то Патрик и принялся судорожно разматывать.

Тем временем шлюпка плыла прямо на «Моцареллу», навстречу взволнованному Додо. Уцепившись за перекладину, он с беспокойством вглядывался вдаль и уже мог разглядеть очертания пассажира. Гм, это было какое-то странное существо.

Оранжевое полукруглое существо — с малюсенькой головой и гигантским туловищем. Такого необычного субъекта Патрик Фицджеральд не видел еще никогда. А ведь ему, на минуточку, было целых одиннадцать лет. Патрику даже пришлось отвести ненадолго взгляд и как следует моргнуть несколько раз — чтобы удостовериться: ему это не мерещится.

Не мерещилось. Шлюпка, как намагниченная, подплыла к «Моцарелле» и глухо тюкнулась носом в борт — будто поцеловала. Патрик снова поморщился. Запах из шлюпки шел невыносимый. Его вдруг пронзила страшная догадка: а что, если он уже умер? Ну этот — оранжевый. Умер и теперь смердит, как вареный рапан, — вон и мухи вокруг роем вьются! Откуда только взялись, непонятно.

Его следует сбросить в воду — на съедение акулам. А лодку рачительный Патрик заберет себе и выкрасит свежей голубой краской. Додо спрыгнул в шлюпку, чтобы исполнить задуманный план. Он с опаской оглядел тело, еще раз подивившись

его уродливости, и стал подтаскивать его к корме, чтобы перевалить через борт. Как вдруг существо застонало.

От неожиданности Патрик Фицджеральд отпрыгнул в сторону и сам чуть не свалился в воду. Он вовремя взмахнул крылом и пошатнулся, с трудом удерживая баланс. Надо сказать, что Патрик от природы был неуклюж и неловок, особенно если находился за пределами собственного судна.

Патрик с ужасом уставился на оранжевое существо. Оно вдруг открыло маленькие круглые глаза (они оказались коричневого цвета) и сказало:

— Пить.

И самым поразительным было то, что Патрик Фицджеральд Додо его отлично понял.

СТОЯ НА ОДНОЙ НОГЕ

Из иллюминатора светила луна. Сегодня она была большая и идеально круглая, словно вывели ее по небу циркулем. Кроме

луны вверху ничего больше не было — ни звезд, ни облаков. Даже редкие чайки, отважившиеся залетать так далеко в океан, не кружили в эту ночь над «Моцареллой». Шхуна лениво покачивалась на волнах, поскрипывая и вздыхая старой деревянной грудью.

На рабочем столе Патрика горела лампа под зеленым абажуром. Додо работал. Иногда по ночам на него находило вдохновение. Даже не находило — оно обрушивалось на Патрика всей мощью, как тайфун, как ураган. Оно заставляло мчаться в кабинет, падать за стол и писать, писать. Перо, словно само собой, носилось по бумаге, оставляя строчку за размашистой строчкой. Мысли летели далеко вперед — Патрику лишь оставалось следовать за ними, не отставая и не притормаживая ни на минуту. «Любая заминка смерти подобна», — думал он в такие моменты, с головой ныряя в труды.

Патрик писал мемуары вот уже одиннадцать лет — почти всю свою жизнь. Он писал их с тех самых пор, как научился чи-

тать и писать. Он писал их каждый день, просиживая за работой по добрых четыре часа. Он писал их в бурю и в дождь, на рассвете и на закате, писал сидя, лежа и стоя на одной ноге, писал сразу помногу и всего по одной скупой строчке в день. Он писал, воодушевляемый страстным желанием наконец дописать. Но и безо всякого желания он все равно писал, подгоняемый привычкой доводить начатое до конца.

Однако в лунную ночь писалось Патрику слаще всего. Именно в такую ночь Патрик Фицджеральд получал от работы истинное наслаждение. Маленькими глотками он пил из пузатой кружки чай с долькой нектарина и прислушивался к шелесту волн. Мемуары ложились на бумагу неспешно и гладко — даже буквы не прыгали у него, как всегда. Патрик чуть отстранился от стола и немного полюбовался на убористо исписанную страницу. По большому счету, ни ради потомков и ни ради истории писал мемуары Додо. Он писал их даже не ради искусства или, например, всемирного признания, а просто так — для себя.

Для себя. Может быть, поэтому они выходили у Патрика славными.

— Пить! — снова послышалось из-за стены.

Патрик встал и, прихватив с собой чайник в цветочек, пошел в соседнюю каюту.

УШИ ПРИШЕЛЬЦА

Пять дней Существо — так походя окрестил его Патрик — провело без сознания. Додо уложил его в гамак, подвешенный к низкому потолку каюты, и хорошенько разглядел. После детального осмотра стало ясно, что Существо вовсе не оранжевого, а светло-голубого цвета. Оранжевым было лишь его нелепое одеяние, сделанное, кажется, из резины и надутое воздухом. После нескольких попыток Патрику Фицджеральду все-таки удалось Существо раздеть и укутать в теплое одеяло. Не смотря на жару в каюте, Существо беспрерывно тряслось, так и не приходя в сознание. Оно страшно мерзло, что, впрочем, было неудивительно. На коже Существа Патрик

не обнаружил ни пуха, ни даже перьев. Шерсть цвета «соль с перцем» покрывала лишь его голову и нижнюю часть странной, плоской морды.

Патрик протянул крыло и потрогал Существо за нос. Он был не костяной и загнутый книзу, а прямой и обтянутый мягкой водонепроницаемой кожей. Впрочем, все туловище было точно таким же. Согревшись, Существо поменяло цвет — с бледно-голубого на розовый. На четырех вялых конечностях пришельца было ровно по пять щупальцев, которые легко гнулись внутрь, но не наружу. Раскрыв Существо маленькую пасть, Патрик с неудовольствием обнаружил внутри тридцать два зуба. Причем шесть из них были отлиты из чистого золота, Патрик мог бы поклясться. Но больше всего Додо удивили уши пришельца: они тоже были кожаные и походили на морские раковины среднего размера. У Патрика никогда не было ушей (только аккуратные дырочки), поэтому он где-то даже позабавился Существом. Наверняка, обладатель подобных локаторов имеет удивительно